

INSPIRIA

Люсинда Райли
Гарри Уиттакер

Тайная красота

INSPIRIA

Люсинда Райли
Гарри Уиттакер
Тайная красота
Серия «**Novel. Мировые**
хиты Люсинды Райли»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74107082

Тайная красота / Люсинда Райли, Гарри Уиттакер: Эксмо; Москва;

2026

ISBN 978-5-04-250134-0

Аннотация

Красота может убить. Любовь может спасти. Но когда призраки прошлого возвращаются, чтобы забрать своё, выживут только те, кому есть, за что бороться.

Одна из первых работ Люсинды Райли, автора цикла «Семь сестер». Текст переработан и издан Гарри Уиттакером, сыном Люсинды, бережно сохранившим наследие писательницы.

«Я хочу, чтобы люди видели красоту», – рассуждает художница Роуз Деланси, выставляя в галерее картину своего племянника. На полотне влюбленный мастер изобразил юную Лию – прекрасную, чистую и полную неуверенности девушку из провинции. Портрет замечает модельное агентство и предлагает нарисованной на нем «Золушке» контракт, который перевернет

ее тихую жизнь с ног на голову. Но эта история не только о ярком свете фотовспышек, подиумов и огней Нью-Йорка, имеет и темную сторону – прошлое семьи Деланси корнями уходит в военное гетто. Смогут ли герои распутать эти нити и разорвать цепь насилия, связывающую два поколения?

Содержание

Предисловие	6
Пролог	10
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Райли Люсинда, Уиттакер Гарри Тайная красота

Lucinda Riley and Harry Whitaker

The Hidden Girl

Copyright © Lucinda Riley Limited 2024

© Соломахина В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Предисловие

Дорогой читатель, благодарю вас за то, что выбрали этот роман Люсинды Райли. Я ее сын Гарри Уиттакер. Если мое имя вам знакомо, то вы, несомненно, наслышаны о романе «Атлас. История Па Солта», заключительном в мамином цикле «Семь сестер», который я взял на себя ответственность доработать после ее смерти в 2021 году.

Хочу пояснить, как и почему роман «Тайная красота» вышел в 2024 году. Надеюсь на вашу снисходительность, поскольку для этого придется познакомить вас с краткой историей маминого творчества.

С 1993 по 2000 год мама написала восемь романов за подписью Люсинды Эдмондс. После книги «Любовное письмо» (Seeing Double) ее карьера, казалось, прервалась. По вымышленному сюжету предполагалось, что в королевской семье Британии есть незаконнорожденный ребенок. Смерть принцессы Дианы и последовавшие за ней события в королевской семье привели к тому, что книжные магазины сочли книгу слишком рискованной. В результате заказы на нее отозвали, а издатели аннулировали контракт с Люсиндой Эдмондс.

Между 2000 и 2008 годами мама написала три романа, долго остававшиеся неопубликованными. А в 2010 году произошел прорыв. Ее первая книга «Цветы любви, цветы на-

жды», изданная под фамилией Райли, произвела фурор. Под новым именем она прославилась как одна из самых успешных писательниц женской прозы в мире, у которой при жизни было продано шестьдесят миллионов книг.

Наряду с новыми романами мама переписала три книги раннего периода: «Девушка из Италии», «Древо ангела» и вышеупомянутый роман «Любовное письмо». Эти три рукописи тоже издали, и они имели огромный успех.

Роман «Тайная красота» впервые опубликовали в 1993 году. Это вторая мамина работа, которую она написала, когда ей было двадцать шесть лет. Она часто говорила, что гордится книгой и намерена вновь познакомить с ней читателей. К несчастью, такой возможности у нее не оказалось.

Прочитав книгу впервые, я был потрясен. На страницах романа вы найдете крушение надежд, запретную любовь, убийство и месть... и в завершение – роковое забытое пророчество из прошлого. Как ни странно, роман содержал многое из того, что Люсинда выносила на передний план в более поздних работах, – очаровательные места, значимость семьи и любовь, передающуюся из поколения в поколение. Но, как всегда, она не избегает таких неприятных тем, как депрессия, алкоголизм и сексуальное насилие в отношении женщин.

Люсинда несомненно всегда была одной из лучших рассказчиц, но за тридцатилетнюю карьеру ее авторское мастерство значительно выросло. Она тщательно переработала три

предыдущих романа, изменив сюжет, добавив персонажей и усовершенствовав стиль. Впоследствии это дело на себя взял я: освежил и обновил текст, превратил раннее произведение в более зрелое.

Работа была не из легких. Конечно, мне хотелось как можно в большем количестве сохранить оригинальный текст, но при этом я понимал, что необходимо переосмыслить перспективы и чувства, не вырывая из романа душу. За последние тридцать лет мир сильно изменился, и комментарии в интернете, кажется, с каждым днем становятся все более язвительными. Надеюсь, мне удалось справиться с задачей и отдать должное маме. Немаловажно, что Люсинда была хорошо знакома с миром, в который вам предстоит окунуться. В молодости она работала актрисой и моделью, так что некоторые эпизоды книги основаны на личном опыте.

Читателям предстоит узнать, что мама часто строила сюжеты романов на основе реальных исторических событий, нередко затрагивая менее известные истории тех времен. Цикл «Семь сестер» рассказывает о тяготах мировых войн, конфликте между Великобританией и Ирландией, движении за гражданские права в Америке, а также о проблемах австралийских аборигенов и испанских цыган. В «Тайной красоте» Люсинда пишет об ужасах концентрационного лагеря Трешлинка в оккупированной Польше во время Второй мировой войны. Тема, очевидно, была для нее важна, как, несомненно, и для всех неравнодушных граждан. Вымышленные

события, описанные в этом романе, на ее взгляд, должны были подтолкнуть читателя к дальнейшему знакомству с историей Холокоста.

Итак, «Тайная красота» больше не прячется. Мама ждет своих старых читателей, словно друг, готовый провести в прошлое и закружить в вальсе по земному шару.

Новые читатели, добро пожаловать! Я рад, что вы решили провести время с Люсиндой Райли.

Гарри Уиттакер

2024 г.

Пролог

Старуха пристально взглянула на Лию, улыбнулась, и лицо ее покрылось сеточкой морщин. Ей, наверное, не меньше ста пятидесяти, подумала Лия. Школьники называли ее колдуньей и, возвращаясь домой мимо ветхого деревенского домика, орали как резаные. Для взрослых же она была старой Меган, которая подбирала раненых птиц и лечила их сломанные крылья травяными зельями. Некоторые считали ее безумной, другие – искусной знахаркой и ясновидящей.

Мать Лии старушку жалела.

– Старая перечница, – говорила она, – совсем одна в сырой грязной лачуге.

И посылала Лию в курятник за яйцами, чтобы угостить Меган.

Лия стучалась в ветхую дверь, и от страха у нее колотилось сердце.

Обычно Меган открывала ей, медленно озиралась и, кивнув Лие, забирала у нее яйца. Дверь захлопывалась, и Лия стремглав убегала домой. Но сегодня, когда она постучала, дверь открылась намного шире, и Лия смогла заглянуть в темные закоулки дома.

Меган не сводила с нее глаз.

– Я... Я... Мама прислала вам гостинцы.

Лия протянула коробку, и старуха схватила ее длинными

костлявыми пальцами.

– Спасибо.

Лия удивилась, услышав мягкий тон. И вовсе Меган не походила на колдунью.

– Почему бы тебе не зайти?

– Да я...

Но старуха уже взяла ее за руку и потащила в дом.

– Я не могу задерживаться. Мама забеспокоится, станет спрашивать, куда я пропала.

– Объяснишь, что пила чай с Меган, колдуньей, – засмеялась та. – Усаживайся. Сейчас заварю.

Меган кивнула на одно из потрепанных кресел, стоявших по обе стороны от небольшого пустого камина.

Лия нервно села, обхватив руками колени, и оглядела тесную кухню. На всех стенах висели полки с банками из-под кофе, наполненными зельями необычной окраски. Сняв одну из банок, Меган открыла ее и положила две чайных ложки желтоватого порошка в старинный заварочный чайник из нержавеющей стали. Добавив кипятка, она поместила чайник и пару чашек на поднос и поставила все это на стол перед Лией. А сама медленно опустилась в соседнее кресло.

– Дорогая, нальешь чаю?

Лия кивнула, подалась вперед и разлила горячую жидкость в фарфоровые чашки с обитыми краями. От них поднимался пар. Она принюхалась: запах был резким и незнакомым.

– Все в порядке, я тебя не отравлю. Сейчас я отхлебну, а ты посмотришь, умру я или нет. Это чай из одуванчиков. Очень полезный. – Старуха взяла чашку обеими руками и отпила. – Попробуй.

Лия неуверенно поднесла чашку к губам, дыша через рот. Резкий запах ей не нравился. Она отхлебнула немного чая и проглотила, даже не ощутив вкуса.

– Ну вот, видишь, чай не так уж плох?

Лия покачала головой и поставила чашку на стол. Она потерзала в кресле, пока Меган допивала напиток.

– Спасибо за чай. Очень вкусный. Но мне нужно идти. Мама будет...

– Каждый день вижу, как ты проходишь мимо. Повзрослешь – будешь настоящей красавицей. Уже и сейчас заметно.

Меган осмотрела ее с головы до ног пронизательными зелеными глазами, и Лия покраснела.

– Однако этот дар не всегда благословение, как полагают люди. Будь осторожна.

Меган нахмурилась, потянулась через стол и костлявыми пальцами, словно когтями, обхватила руку девочки. Та вздрогнула.

Лию охватила паника.

– Да, но мне... Мне нужно домой.

Меган напряженно смотрела мимо нее куда-то вдаль.

– Чувствую зло. Будь всегда настороже.

Меган повысила голос. Лию парализовало от страха. Ме-

ган крепче сжала ее руку.

– Чудовищные вещи... зло... никогда не связывайся с природой, не нарушай ее порядок. Несчастливая душа... он потерян... обречен... Он придет искать тебя на вересковых пустошах... и ты вернешься по собственной воле. Судьбу не изменишь... остерегайся его.

Внезапно Меган ослабила хватку и откинулась на спинку кресла, закрыв глаза. Лия тут же вскочила и выбежала на улицу.

Она, не останавливаясь, домчалась до курятника за небольшим домом, в котором жила с родителями. Открыла засов и плюхнулась на пол, распугав птиц. Лия прислонилась головой к деревянной стене и отдышалась.

Деревенские не вралы: Меган безумная. Чего там она наговорила про то, чтобы Лия была осторожна? Вот жуть-то! Лие было всего одиннадцать, и она ничего не поняла. Хотелось поделиться с мамой, но как рассказать ей, что произошло? Мама скажет, что Лия все выдумала и что нехорошо распространять нелепые слухи о беспомощной старушке.

Лия встала и медленно побрела к задней двери.

Она зашла в теплую кухню и в надежных стенах родного дома сразу успокоилась.

– Привет, ты как раз к чаю. Садись, – улыбнувшись, сказала Дорин Томпсон, потом озабоченно нахмурилась. – Ох, да на тебе лица нет. Случилось что?

– Ничего, мама. Все в порядке. Живот болит, только и все-

го.

– Болезнь роста, наверное. Поешь чего-нибудь, и все пройдет.

Лия подошла к матери и крепко ее обняла.

– Ну, что такое?

– Я... я люблю тебя, мамочка.

Лия уютно устроилась в материнских объятиях и успокоилась окончательно.

Однако на следующей неделе, когда мать, как обычно, попросила отнести Меган яйца, Лия решительно отказалась.

Шесть месяцев спустя Меган умерла, и Лия с облегчением вздохнула.

Часть первая

Июнь 1976 – октябрь 1977

Глава 1

Йоркшир, июнь 1976 года

Роуз Деланси опустила тонкую кисточку из меха соболя в банку со скипидаром, положила палитру на забрызганный краской стол и уселась в потертое кресло, откинув с лица густые золотисто-каштановые волосы. Затем взяла фотографию, с которой работала, и сравнила ее с законченной картиной, стоявшей перед ней на мольберте.

Сходство было поразительным, хотя Роуз с трудом отличала одну холеную кобылу от другой. Однако, пока она готовила коллекцию своих картин на выставку в лондонской галерее, такие мелкие работы позволяли оплатить счета. Картину заказал состоятельный местный фермер, владелец трех скаковых лошадей. Ундина, гнедая кобыла, одухотворенно взиравшая на Роуз с полотна, была второй. За каждую работу художнице причиталось пятьсот фунтов.

Сумма достаточная, чтобы обновить крышу ветхого каменного фермерского дома, в котором она жила с детьми. На

борьбу с сыростью, как и с сухой гнилью и древооточцем, не хватит, но это лишь начало.

Роуз очень рассчитывала на выставку. Даже пара проданных картин избавила бы ее от растущих долгов. Терпение банковского менеджера, которого она кормила постоянными обещаниями, было на исходе, и Роуз понимала, что ходила по тонкому льду.

Она так давно не выставляла свои работы – почти двадцать лет. О ней, наверное, уже забыли с тех пьянящих дней, когда ее обожали и критики, и публика. В то время Роуз была молода, красива и необычайно талантлива... А потом все пошло наперекосяк, ей пришлось оставить яркие огни Лондона и переехать сюда, в Совуд, уединенное место с вересковыми пустошами и болотами Йоркшира.

Да, выставка в апреле следующего года, конечно, авантюра, но она должна была окупиться.

Роуз встала и, умело лавируя между предметами, прошла через захлавленную тесную студию. Она посмотрела в большое окно на безмятежный пейзаж. Вид всегда действовал на нее умиротворяюще и был главной причиной, по которой она приобрела этот деревенский дом. Он примостился на вершине холма, откуда ничто не мешало обозревать долину. Далеко внизу среди густой зелени мелькала серебристая лента Лимингского водохранилища.

Роуз не хотелось терять этот пейзаж, однако если выставка провалится, дом придется продать.

– Черт! Черт! Черт!

Роуз стукнула кулаком по серому каменному подоконнику.

Конечно, у нее был другой вариант. Всегда был, но Роуз отказывалась от него почти двадцать лет.

Роуз подумала о своем брате Дэвиде, который владел пентхаусом в Нью-Йорке, загородным домом в Глостершире, престижной виллой на острове в Карибском море и океанской яхтой, пришвартованной где-то у побережья Амальфи. Сколько раз ночами, прислушиваясь к звону капающей воды в кастрюлю, стоящую около кровати, она боролась с искушением попросить брата о помощи. Однако она скорее останется с детьми на улице, чем возьмет у него денег. Много лет назад дело зашло слишком далеко.

Роуз не видела брата давным-давно и только по газетным статьям следила за его стремительным взлетом в высшие эшелоны власти. Совсем недавно она прочитала, что он овдовел: прошло больше полугода как у него умерла жена, оставив ему шестнадцатилетнего сына.

А неделю назад пришла телеграмма:

«Дорогая Роуз тчк в ближайшие два месяца буду страшно занят тчк сын Бретт заканчивает школу двадцатого июня тчк не хочу оставлять его одного тчк все еще горюет по матери тчк можно он приедет к тебе тчк деревенский воздух пойдет ему на пользу тчк заберу его в конце августа тчк Дэвид».

Прочитав телеграмму, Роуз не входила в студию пять

дней. Она подолгу гуляла по вересковым пустошам, гадая, что же брат задумал.

Делать было нечего. Хочешь не хочешь, а Дэвид поставил ее перед свершившимся фактом. Мальчишка, вероятно, избалованный, так и так приедет, и вряд ли ему понравится ветхий деревенский дом, где нет иных развлечений, кроме как попусту терять время.

Еще интереснее, как ее дети воспримут приезд до сих пор незнакомого им кузена. Придется как-то объяснить неожиданное появление не только Бретта, но и дяди, одного из самых богатых людей в мире.

Майлз, высокий двадцатилетний красавец, только кивнет и примет без вопросов, а вот пятнадцатилетняя Миранда... При мысли о «трудном ребенке» – приемной дочери – Роуз, как обычно, почувствовала угрызения совести.

Ее беспокоило, что Миранда стала «сущим наказанием» именно из-за нее. Избалованная грубиянка пререкалась с ней по любому поводу. Роуз всегда уделяла ей столько же внимания и любви, сколько и Майлзу, но Миранда, казалось, инстинктивно ощущала, что не может соперничать со связью между родными матерью и сыном, родной плотью и кровью. Роуз никогда детей не разделяла и старалась полюбить Миранду, несмотря ни на что.

Но вместо уютной семейной атмосферы Миранда создавала напряженную обстановку. Смесь вины и отсутствие взаимопонимания между матерью и дочерью привели к тому,

что, в лучшем случае, они друг друга терпели. Роуз знала, как обрадуется Миранда приезду Бретта и поразительному богатству его отца. И, несомненно, начнет флиртовать. За смазливой девчонкой уже тянулась вереница разбитых сердец. Роуз предпочла бы, чтобы Миранда не вела себя столь... откровенно. Ее фигура уже хорошо сформировалась, и она не прилагала никаких усилий, чтобы это скрывать, делая акцент на своих роскошных светлых волосах. Роуз перестала запрещать ярко-красную помаду и короткие юбки – Миранда только целыми днями дулась, и атмосфера в доме накалялась.

Роуз посмотрела на часы. Скоро Миранда должна была вернуться из школы, да и Майлз уже ехал из Лидса, в университете только что закончился учебный семестр.

Она попросила миссис Томпсон подать к чаю угощение повкуснее.

Роуз объявит детям о предстоящем приезде племянника на каникулы как о само собой разумеющейся вещи. А что тут такого?

Она решительно расправила плечи. Ей предстояло сыграть свою роль. Ибо никто из них не должен узнать...

Глава 2

– Лия, не сможешь ли ты мне сегодня в большом доме? Завтра к миссис Деланси приезжает гость, нужно подготовить одну из комнат наверху, как следует там прибраться. Слава богу, сейчас лето. Если открыть окна, выветрится ужасный запах сырости.

Дорин Томпсон поморщилась.

– Конечно, помогу, – сказала Лия, рассматривая мать.

Дорин уложила густые каштановые волосы в практичную прическу, чтобы те не мешались. От недавней химической завивки пряди на лбу и на шее сзади сворачивались в тугие локоны. К тридцати семи годам из-за многих лет тяжелой работы и тревог у нее сохранилась стройная фигура, однако добавилось немало морщин.

– Хорошо. Значит, договорились. Надень самые старые джинсы. В комнате небось полно грязи. И поторопись. Сейчас приготовлю отцу обед и сразу пойдем.

Упрашивать Лию не требовалось: она взбежала по лестнице, открыла дверь своей каморки и, покопавшись в гардеробе, нашла старые потрепанные джинсы. Потом натянула видавшую виды футболку, присела на краешек кровати и перед зеркалом заплела длинные, до пояса, рыжевато-каштановые волосы. С тяжелой косой, лежавшей на спине, Лие никто не дал бы пятнадцати лет, но, когда она встала, в от-

ражении зеркала стали видны мягкие формы почти зрелой фигуры. Она всегда была высокой для своего возраста, видимо пошла в мать, но в прошлом году вытянулась довольно резко, став на голову выше одноклассниц, и чувствовала себя каким-то подсолнухом. Мать беспокоилась о том, что Лия из-за бурного роста теряет силы, и уговаривала есть больше, чтобы пополнить.

Лия нашла под кроватью кроссовки и быстро их зашнуровала, спеша скорее попасть в большой дом. Ей нравилось, когда мать брала ее с собой. То здание было таким просторным по сравнению с тесным родительским домишком с двумя камерками сверху и двумя снизу. А миссис Деланси ее очаровала. Она так отличалась от всех знакомых. Лия немного завидовала Миранде, что у нее такая мать. Нет, свою маму Лия любила, но от повседневных забот об отце и тяжелой работы та иногда срывалась и повышала голос.

Лия понимала, что это из-за усталости, и помогала с домашними делами, где только можно.

Она смутно помнила отца, когда он еще был на ногах. Ей было четыре года, когда его сразил ревматоидный артрит, и последние одиннадцать лет он не покидал инвалидного кресла.

Он бросил тяжелую работу на суконной фабрике, а мать устроилась экономкой к миссис Деланси, чтобы зарабатывать хоть немного денег. За все время Лия ни разу не слышала, чтобы отец на что-нибудь пожаловался, и понимала,

что он считает себя виноватым за то, что жене приходится за ним ухаживать и зарабатывать на жизнь.

Лия очень любила отца и при первой же возможности составляла ему компанию. Она сбежала по лестнице и постучала в дверь гостиной. Когда отец заболел, комната превратилась в спальню родителей, а в кладовке с отдельным входом напротив кухни местные власти помогли оборудовать душ и туалет.

– Войдите.

Лия открыла дверь. Мистер Томпсон сидел на своем обычном месте у окна. Он увидел дочь, и его карие глаза, цвет которых достался ей в наследство, засияли от радости.

– Здравствуй, детка. Поцелуй папу.

Лия чмокнула его в щеку.

– Я иду помогать маме убирать большой дом.

– Правильно, дочка. Тогда до встречи. Развлекайся.

– Спасибо. Мама принесет тебе сэндвичи.

– Очень хорошо. Пока, детка.

Лия прикрыла дверь и вошла в кухню, где мать уже закрывала фольгой тарелку, полную бутербродов с ветчиной.

– Сейчас отнесу их твоему отцу – и пойдем, – сказала она.

От Оксенхоупа до крохотной деревушки Совуд, где на вершине холма стоял фермерский дом миссис Деланси, пролегало чуть больше трех километров. Обычно миссис Томпсон добиралась на велосипеде, но сегодня, с Лией, они быстро прошли пешком по деревне и направились вверх по хол-

му к вересковым пустошам.

На ярко-синем небе сияло солнце, день обещал быть теплым и приятным. Тем не менее Лия перекинула через плечо куртку, заранее готовясь к вечернему возвращению – температура в этих краях могла упасть совершенно неожиданно.

– По-моему, в этом году нас ждет пекло, – заметила Дорин. – Миссис Деланси рассказала мне, что на каникулы к ней приезжает племянник. Я о нем и не слышала.

– Сколько ему?

– Нет и двадцати. А значит, у миссис Деланси собирается вся семья: Майлз возвращается из университета, у Миранды каникулы. А миссис Деланси, между тем, готовит выставку картин.

Разговор затих.

– Мама, можно спросить?

– Конечно.

– А как... Как ты относишься к Майлзу?

Миссис Томпсон остановилась и уставилась на Лию.

– Конечно, он мне нравится. Я ведь помогала его растить, верно? А что? Почему ты задаешь такой глупый вопрос?

– Ой, да просто так спросила, – ответила Лия, увидев защитную реакцию на лице матери.

– Ну если говорить о мамзельке, его сестре, о тех вещицах, что она напяливает... для девочки ее возраста это просто неприлично.

Лия, наоборот, испытывала благоговейный трепет от сме-

лых нарядов Миранды. Она с восхищением наблюдала, как мальчишки клубились вокруг нее в школе «Гринхед», где обе девочки учились в одном классе. Иногда Лия видела, как Миранда во главе группы старшеклассников после занятий направляется в Клиф Кастрл парк.

Ее поражало, как Миранде удастся выглядеть симпатичной и взрослой в скучной школьной форме. На Лие точно такое же платье только подчеркивало долговязость фигуры. Хотя Лия была всего лишь на месяц моложе Миранды, рядом с ней она чувствовала себя совсем ребенком.

– Вот ты говоришь, что у миссис Деланси денег нет, а у Миранды всегда новая одежда. И дом у них огромный.

Миссис Томпсон понимающе кивнула.

– Все дело в масштабах, Лия. Возьмем, к примеру, нашу семью. У нас за душой ни пенни, и миссис Деланси говорит то же самое. Но раньше она была богатой, очень богатой. Теперь же она считает себя бедной по сравнению с прошлым. Понятно?

– Кажется, да.

– Миранда жалуется на то, что не может купить новый наряд для вечеринок. А ты на то, что к чаю нечего подать.

– Почему она теперь обеднела?

Мать лишь неопределенно махнула рукой.

– Я не знаю, на что были потрачены все деньги, но рисовать снова она начала всего лишь пару лет назад, так что, видимо, долгое время ничего не продавала. Ну, хватит болтать.

Пойдем, детка, а то опоздаем.

Миссис Томпсон открыла черный ход большого дома, который вел прямо на кухню, которая превосходила размерами весь нижний этаж в доме Лии.

За длинным столом из выскобленных сосновых досок завтракала Миранда. На ней был ярко-розовый атласный халат и пушистые шлепанцы в тон. Солнечные блики играли на светлых волосах.

– Привет, Дорин, ты как раз вовремя, чтобы приготовить мне еще тостов!

– Сегодня не получится, мисс. У меня полно работы, я готовлю комнату для гостя твоей мамы.

– Тогда Лия не откажется, верно, милая? – протянула Миранда.

Лия взглянула на мать, готовившуюся возразить, и быстро ответила:

– Конечно, Миранда. Мама, ты иди наверх, я скоро, через пару минут.

Миссис Томпсон нахмурилась, потом пожала плечами и исчезла из кухни. Лия положила пару ломтиков хлеба в тостер.

– Ты растешь не по дням, а по часам, – медленно прошла по ее фигуре оценивающим взглядом Миранда. – Ты на диете? Уж больно худая.

– Ой, нет, мама зовет меня жадиной. Я и тарелку вылижу, если она позволит.

– Везет же некоторым. А мне стоит только взглянуть на сливки, как я уже толстею, – мрачно ответила Миранда.

– Да у тебя отличная фигура. Все мальчишки в классе так говорят. – Лия вздрогнула, когда перед ней выскочил тост. – Намазывай тост нежирным спредом и только тоненьким слоем джема.

– А что еще говорят обо мне мальчишки? – небрежно спросила Миранда.

Лия покраснела.

– Ну, они считают, что ты... очень хорошенькая.

– А ты что скажешь? Я хорошенькая, Лия?

– Да. Очень. Мне... Мне нравится, как ты одеваешься. – Лия поставила перед Мирандой тарелку с тостами. – Хочешь еще чаю?

Та кивнула.

– Ну вот скажи моей дорогой маме, что тебе нравится моя одежда. Она просто бесится, если подол выше лодыжек! Вот еще блюстительница нравов. А ты не хочешь налить чаю и составить мне компанию?

Лия заколебалась.

– Спасибо, нет. Мне нужно наверх, помочь маме.

– Ну как знаешь. Будет время, загляни ко мне в комнату – покажу тебе новый наряд, который я купила в прошлую субботу.

– Ой, конечно. До встречи, Миранда.

– Пока.

Лия поднялась на два пролета скрипящей лестницы и увидела, что мать энергично трясет в коридоре потертый ковер.

– А я уже хотела за тобой идти. Помоги мне перевернуть матрац. У него заплесневел угол. Я затопила камин, глядишь, и матрац просохнет, и в комнате станет теплее.

Лия вошла следом за ней в большую комнату и взялась за один конец тяжелого двуспального матраца.

– Отлично, переворачиваем его набок... Вот так. Надеюсь, у тебя не войдет в привычку позволять той мадаме обращаться с тобой как с прислугой. Дай ей палец, она и всю руку откусит. В следующий раз скажи «нет», дочка. Ты не нанималась быть у нее на побегушках.

– Прости, мама. А скажи, как она выросла? Совсем взрослая.

Дорин Томпсон заметила в глазах дочери восхищение.

– Ага, взрослая. Только не вздумай брать с нее пример, мисс. – Дорин выдохнула и подбоченилась. – Ну, теперь здесь вроде стало получше. А простыни постелим в последний момент. Матрац успеет высохнуть, и бедняга не подхватит воспаление легких. – Ее взгляд упал на окно. – В той коробке есть средство для чистки стекол. Отмой окно как следует, детка. Пожалуйста.

Лия кивнула и поднесла бутылочку к оконному стеклу в свинцовой раме. Она провела пальцем по пыли, согнав с паутины паучка.

– Пойду вниз за пылесосом.

Миссис Томпсон вышла из комнаты, и Лия принялась драить грязное стекло, смачивая его жидкостью и вытирая, пока не почернела тряпка. Отчистив четыре квадратных стеклышка, она выглянула в окно. Солнце все еще сияло, и пустоши купались в ярком свете. Отсюда открывался изумительный вид на долину с трубами деревни Оксенхоуп на другом берегу озера.

На вершине холма, недалеко от дома, обхватив руками колени, сидел человек и смотрел вниз, в долину. Лия узнала его по густым черным волосам. Это был Майлз. Майлз ее пугал. Он не улыбался, не здоровался, просто... пристально на нее смотрел. Когда он возвращался домой, то часами бродил один по вересковым пустошам. Лишь изредка она видела его верхом на одной из лошадей мистера Морриса – черный силуэт на фоне солнца, – скачущим рысью по долине.

Неожиданно Майлз обернулся. И, словно зная, что Лия за ним наблюдает, уставился темными глазами прямо на нее. Лия почувствовала его пронизывающий взгляд. Она застыла на мгновение, не в силах сдвинуться с места, потом содрогнулась и быстро отошла от окна.

Вернулась с пылесосом мать.

– Ну же, Лия, поторапливайся. Ох, да ты и четверти окна еще не помыла.

Лия неохотно вернулась к окну. Фигура на холме исчезла.

– Я хотела спросить тебя, Дорин, не захочет ли твоя Лия заработать немного карманных денег?

Лия с матерью сидели на кухне и пили чай, перед тем как отправиться назад в деревню.

Миссис Деланси стояла в дверях кухни в рабочем халате, забрызганном яркими масляными красками. Она улыбнулась Лие.

– Ну что же, идея неплохая, правда, Лия? – отозвалась миссис Томпсон.

– Конечно, миссис Деланси. А что я буду должна делать?

– Как ты знаешь, завтра приезжает погостить мой племянник Бретт. А я из-за выставки вся в делах. У меня и без стряпни времени в обрез. И тут я подумала, может, ты согласишься приходить и помогать матери убирать в доме и готовить завтрак и ужин для нас с детьми. Мои-то могут о себе позаботиться, но племянник... ну, скажем так, он привык к другому образу жизни, более обеспеченному. Естественно, я заплачу за сверхурочные часы, Дорин, и Лие тоже.

Миссис Томпсон взглянула на Лию:

– Если одна из нас будет готовить ужин для отца, я бы сказала, что мысль хорошая. Верно, Лия?

Лия понимала, что лишние деньги очень быгодились. И кивнула:

– Конечно, миссис Деланси. Я буду только рада.

– Отлично, значит, договорились. У меня в сарае есть старый велосипед, на котором ты сможешь сюда добираться. Бретт приезжает завтра днем, и мне бы хотелось, чтобы к ужину приготовили что-нибудь особенное. Есть будем в столовой. Достаньте веджвудский фарфоровый сервиз и составьте список продуктов на неделю. А я договорюсь с фермерским магазином о доставке. Мне пора возвращаться в студию. До завтра.

– Хорошо, миссис Деланси, – согласилась миссис Томпсон.

Выходя из кухни, Роуз как бы невзначай обернулась и добавила:

– Вот еще что. Если мой племянник покажется вам немножко... не в себе, не обращайтесь внимания. У него недавно умерла мать, и он привык к другому образу жизни. – Она будто вздрогнула. – Ну что же. До завтра.

Она вышла из кухни и закрыла за собой дверь.

– Бедняга, потерять мать в таком раннем возрасте...

Миссис Томпсон помыла чашки.

Дверь открылась, и в комнату впорхнула Миранда в обтягивающей красной мини-юбке и марлевом топе с глубоким вырезом.

– А я все ждала, что ты придешь взглянуть на мой новый наряд, Лия.

– Ну, я...

– Да ладно. Я специально пришла, чтобы тебе его показать. Что скажешь? Правда, здорово?

Миранда улыбнулась и покружилась.

– По-моему...

– По-моему, нам пора идти, твой папа ждет чай, – перебила ее мать.

Миранда не обратила на нее внимания.

– Я купила его в том новом бутике в Кейли. Надену завтра вечером к ужину в честь приезда кузена. – Миранда ухмыльнулась. – Представляешь, его отец – один из самых богатых людей в мире!

– Полно сочинять-то, барышня, – упрекнула миссис Томпсон.

– Это правда! – Миранда села в кресло и положила ноги на стол, значительно обнажив светлую кожу на бедре. – Дорогая мамочка держала это в тайне. Ее брат – Дэвид Купер. Да-да, тот самый Дэвид Купер. – Она посмотрела на них, ожидая реакции, и нахмурилась, когда ее не последовало. – Не говорите мне, что вы о нем не слышали. Он известен. Владелец заводов Купера. Одной из крупнейших компаний в мире. Один бог знает, почему нам приходится прозябать в этой дыре, когда у дорогой старушки Розы такой брат.

– Не зовите мать «Рози», мадам.

– Прошу прощения, миссис Томпсон, – ответила Миранда. – Я-то думала, что в этой помойке никогда не происходит ничего интересного, а тут, как гром среди ясного неба,

обнаруживается, что у меня есть дядя при деньгах, и завтра приедет его сын. Но лучшая новость из всего этого – ему шестнадцать. Интересно, у него есть девушка? – в раздумьях пробормотала она.

– Отнесите к нему по-доброму, Миранда. Бедняга недавно потерял мать.

Миранда улыбнулась.

– Не волнуйтесь, миссис Ти, само собой разумеется... Но все же нужно попробовать новый макияж. До встречи.

Она выскочила из кухни.

Миссис Томпсон покачала головой.

– Пойдем, Лия. Завтра нас ждет тяжелый день. – Она вытерла руки кухонным полотенцем и кивнула на дверь. – Ох, чувствую, это не кончится ничем хорошим.

Глава 3

По живописным йоркширским деревушкам плавно ехал длинный черный лимузин. Местные с любопытством оглядывались, пытаясь рассмотреть за тонированными стеклами неясную фигуру.

Бретт Купер с несчастным видом глядел на них в ответ, корча нелепые рожи, которые, как он знал, никто не увидит. Небо вдруг затянуло тучами, и пошел дождь. Вересковая пустошь вокруг него казалась всеми покинутой, как и он сам.

Бретт подался вперед и достал из мини-бара банку кока-колы. Внутри машина напомнила ему роскошный склеп с богатой кожаной обивкой стен и жалюзи, чтобы отец мог отгородиться от мира.

Бретт нажал кнопку.

– Далеко еще, Билл?

– Всего полчаса, сэр, – ответил металлический голос.

Бретт отпустил кнопку, вытянул длинные ноги в джинсах и отхлебнул кока-колы.

Отец обещал забрать его из школы, поехать с ним в Йоркшир и лично представить тете, но когда парень охотно забрался в машину, там было пусто. Билл, шофер отца, сообщил, что мистер Купер просит прощения, в Америку пришлось вылететь раньше, чем предполагалось.

Все пять часов езды из Виндзора Бретт сердился на отца

за то, что вновь ощутил детский страх. Ему было страшно встретиться с незнакомой тетей. А еще его мучила непреодолимая тоска по матери, которой не было рядом, чтобы разувверить в том, что отцу на него наплевать.

Бретт вспомнил это же время в прошлом году, и его глаза наполнились слезами. Он прилетел в аэропорт Ниццы, где его ждала мать. Они приехали на виллу на мысе Ферра и чудесно отдохнули вместе, только вдвоем. Отец посетил их пару раз, но проводил время в офисе или на яхте, развлекая важных деловых партнеров, гостивших у него.

А три месяца спустя мамы не стало. Он вспомнил, как его привели в кабинет директора школы, чтобы сообщить эту новость.

Бретт ушел в пустую спальню, сел на край кровати и устал вился в пол. Ни деньги, ни богатство мать не спасли. Он ненавидел ее за то, что она не сказала ему о болезни. Неужели она не понимала, как он будет страдать, что не был с ней рядом до самого конца? И отца он ненавидел тоже – тот знал обо всем, но ничего не сказал.

Бретт догадывался, что отец осознанно принял решение уйти с головой в работу. Казалось, что в мире его волновала только она. Бретт даже удивлялся, зачем отец женился. И все же мать была ему очень предана. Она никогда не жаловалась, что редко видит мужа или что они с сыном у него не на первом месте в списке приоритетов. Бретт только раз слышал, как они спорили, ему тогда было четыре года.

– Ради бога, Вивьен, подумай хорошенько. Нью-Йорк – прекрасный город. Когда Бретт пойдет в подготовительную школу, он сможет прилетать на каникулы. Квартира чудесная. Хотя бы посмотри.

Его мать тихо и спокойно ответила:

– Нет, Дэвид, прости, но я хочу остаться в Англии, чтобы оказаться рядом, если вдруг понадобится Бретту.

Когда Бретт вырос, он начал понимать, что мать в тот день сделала выбор. Поставила его на первое место. Отец после того разговора появлялся дома все реже и реже, обосновавшись в Нью-Йорке, и на приезде жены почти не настаивал.

Когда Бретт поступил в Итон, мальчишки спрашивали, каков его знаменитый отец. Он отвечал «замечательный» или «отличный малый», но по правде сказать, отца совсем не знал.

Когда Бретту исполнилось тринадцать, Дэвид стал звать его в кабинет и показывать планы строительства нового многоэтажного дома. Бретт притворялся, что рассказы ему интересны.

– Вот окончишь Кембридж, войдешь в дело и узнаешь, как управлять компанией. Однажды все это станет твоим, Бретт.

Бретт обычно кивал и улыбался, но в душе морщился. У него не было ни малейшего желания разбираться в отцовской империи.

Он путался в мире цифр, а статистика ему казалась вообще недоступной. В Итон он прошел лишь благодаря высоким

оценкам на экзамене по английскому. За последние два года, когда перед ним забрезжила будущая карьера, которую готовил ему отец, Бретт часто просыпался в холодном поту. В прошлом году на мысе Ферра он признался в своих опасениях матери. И показал ей свои картины. Она откровенно удивилась.

– Боже правый, милый! Я и не подозревала, что ты так рисуешь. Они само совершенство. У тебя настоящий талант. Я покажу их твоему отцу.

Дэвид кинул на картины беглый взгляд и пожал плечами.

– Неплохо. Бизнесмену нужно иметь хобби, чтобы расслабиться.

Бретт спрятал акварели и мольберт. Мать успокаивала его, поощряла продолжать зарисовки прекрасных пейзажей, открывавшихся с их виллы.

– Бесполезно, мама. Он никогда не позволит мне пойти в художественную школу, никогда. У него уже все распланировано. Он так уверен, что я буду учиться в Кембридже, что у него не возникает даже мысли, что можно провалиться на экзаменах.

Вивьен вздохнула. Оба знали, что, если случится худшее, место можно легко получить, предложив щедрое пожертвование нужному колледжу.

– Послушай, Бретт, я с ним поговорю, обещаю. Тебе только пятнадцать. Мы заставим его понять, когда придет время. А ты продолжай рисовать, милый. Ты подаешь большие на-

дежды!

Бретт тогда только покачал головой. Через месяц он вернулся в школу и нарисовал мать сидящей в саду на качелях в Глостере. Он скопировал портрет с любимой фотографии, где мамина изящная красота проявилась во всем блеске. Бретт задумал подарить картину ей на Рождество. Но мать умерла, а портрет так и лежал в подарочной упаковке. В мастерскую с тех пор он не входил.

Прошло больше полугода, а Бретту казалось, что мама умерла вчера. Она была центром его вселенной, его опорой и надеждой.

Теперь же, без посредника между ним и отцом, Бретт чувствовал себя уязвимым. Он предполагал, что на летние каникулы приедет домой в Глостершир или, может, на острова Антигуа. Но когда он получил письмо, напечатанное Пэт, личной секретаршей Дэвида, в котором сообщалось, что отец отправляет его на лето в Йоркшир к какой-то тете, о которой он никогда не слышал, его с новой силой охватило отчаяние. Бретт тщетно пытался позвонить отцу в Нью-Йорк и возразить, но его звонки перехватывала Пэт.

– Ваш отец непреклонен, Бретт, дорогой. Он очень занят летом, и вам непременно нужно ехать. Все будет хорошо, я уверена. Я отправила вам пятьсот фунтов на карманные расходы. Если потребуется больше, дайте мне знать, договорились?

Бретт понимал, что спорить бесполезно. Чего бы ни поже-

лал Дэвид Купер, он это получал.

Загудел интерком.

– Подъезжаем через пять минут, сэр. Дом уже виден. Посмотрите налево, вон там, примостился на вершине холма.

Бретт пригляделся и сквозь морось увидел дом. Большое серое каменное здание, одиноко стоящее среди пустошей. Оно казалось заброшенным и ужасно негостеприимным, словно сошло со страниц романа Диккенса.

– «Холодный дом», – прошептал он.

Лимузин вскарабкался на вершину холма, и сердце Брета забилось чаще. В тысячный раз он пожелал, чтобы мать сидела рядом и говорила, что все в порядке.

Автомобиль мягко затормозил перед домом. Бретт сделал глубокий вдох. Матери рядом нет, так что придется справляться самому.

Роуз услышала, как подъехала машина. Выглянув в окно студии, она увидела огромный лимузин, щеголявший тонированными стеклами.

Из машины вышел шофер и открыл дверцу салона. Роуз затаила дыхание – из автомобиля вылез высокий молодой человек. Шофер захлопнул за ним дверцу, и Роуз поняла, что Бретт приехал один.

– Слава тебе господи, – выдохнула Роуз и со своего выигрышного наблюдательного поста принялась изучать племянника.

Роуз узнала золотисто-каштановые волосы, так похожие

на ее собственные. Мальчик обернулся, и она увидела бездонные синие глаза и волевой подбородок Дэвида. Бретт был очень красив. Он нервно крутил что-то в кармане пиджака, пока шофер выгружал из багажника чемоданы и нес их к парадной двери. Что-то в мальчике ее поразило. Несчастный вид.

«Да он, похоже, нервничает больше меня», – подумала она.

Раздался звонок, и Роуз быстро посмотрелась в зеркало. Миссис Томпсон открыла парадную дверь – все как просила Роуз. А Майлза и Миранду она еще раньше отправила покататься на лошадях, чтобы побыть с Бреттом наедине.

Роуз услышала жутко знакомый голос, будто в гостиной с миссис Томпсон шел и разговаривал Дэвид. Она неуверенно открыла дверь и медленно вышла в коридор. Шофер вносил последний чемодан.

– Миссис Купер, я полагаю?

– Нет, моя фамилия Деланси.

– Простите, миссис Деланси. Мистер Купер вам очень признателен. Он попросил меня передать вам это на покрытие расходов.

Шофер вручил Роуз конверт.

– Благодарю вас. Не хотите ли чашку чая и перекусить? Дорога назад длинная.

– Нет, миссис Деланси. Спасибо за предложение, но мне нужно отправляться немедленно. В пять встречаю гостей из

Лидса в аэропорту Брэдфорда.

– Видимо, Дэвид не дает вам вздохнуть.

– Без дела не сижу, но мне это нравится. Я работаю с ним почти тринадцать лет, и Бретт вырос у меня на глазах. Он хороший мальчик, с ним у вас проблем не будет. Если покажется немного замкнутым, ну, так он много пережил. Мать он обожал. Ее смерть стала для него трагедией.

– Не беспокойтесь, я о нем позабочусь. Думаю, мы прекрасно поладим. Будьте осторожны в пути.

– Спасибо, постараюсь. – Билл слегка коснулся шляпы. – До свидания, миссис Деланси.

Роуз закрыла парадную дверь и услышала, как лимузин отъезжает.

Она вскрыла конверт и обнаружила фирменную дарственную записку и тысячу фунтов наличными.

– Бог ты мой, – прошептала она, – чтобы потратить такую сумму, придется каждый вечер кормить племянника икрой и шампанским.

Роуз сунула конверт в карман широкой юбки, соображая, как бы скорее договориться с кровельщиком о цене на крышу, и открыла дверь в гостиную.

* * *

Женщина, вошедшая в гостиную, не подходила ни под один из ожидаемых им образов незнакомой тетушки.

Мать всегда задавалась вопросом, от кого Бретт унаследовал необычный рыжевато-золотистый цвет волос. Теперь это стало очевидно.

В комнату вошла полноватая дама, одетая в яркую блузку и крестьянскую юбку. Бретт понял, что тетя Роуз когда-то была очень красивой. Наметанным глазом художника он видел прекрасное телосложение и выразительные скулы. У нее были огромные зеленые глаза и чувственные, как и у его отца, губы. Роуз широко улыбнулась, обнажив ровный ряд белых зубов. Ее лицо казалось знакомым, Бретт был уверен, что видел ее раньше, но где – не помнил.

– Здравствуй, Бретт, я Роуз, – сказала она низким бархатным голосом.

Бретт встал.

– Приятно познакомиться, тетя Роуз.

Он протянул было руку, но Роуз сжала его в объятиях.

Бретт уловил крепкий запах духов и чего-то еще... да, он был уверен... отчетливо пахло масляной краской. Роуз его отпустила, села на диван и похлопала по месту рядом с собой. Он сел, и Роуз взяла его за руку.

– Хорошо, что ты приехал, Бретт. Сейчас ты наверняка чувствуешь себя не в своей тарелке – как это, явиться к родственникам, которых никогда не видел. Все образуется, ты привыкнешь. Наверное, проголодался с дороги. Съешь что-нибудь?

– Нет, спасибо. Билл наполнил целую корзину, чтобы я ел

по дороге сюда.

– Тогда, может, чашку чая?

– Спасибо, не откажусь.

– Я попрошу Дорин принести.

Пока Роуз ходила на кухню, Бретт осмотрелся.

Гостиная была захламлена старой мебелью и безделушками, но его внимание привлекли картины...

– Сколько же вы добирались сюда?

Роуз опять села рядом.

– Ой, около пяти часов. Но в пробках не стояли.

– Ты, наверное, устал.

– Есть немного.

– Попьем чаю, и я отведу тебя в твою комнату. В доме тихо, потому что дети катаются верхом. Может, приляжешь до ужина?

– Может быть, – согласился Бретт.

Роуз замолчала, не зная, что еще сказать.

– А вот и Дорин с чаем. Ты пьешь с сахаром?

– Нет, спасибо, тетя Роуз.

– Ой, ради бога, не зови меня тетей. – Роуз улыбнулась. –

Ты уже довольно взрослый, и я чувствую себя древней старухой. Дети тоже зовут меня Роуз. Я так ненавижу эти «мама», «мамуля».

Увидев тоску на лице Бретта, она прикусила губу.

Роуз ожидала увидеть самоуверенного, высокомерного мальчишку, а приехал застенчивый, зажатый молодой чело-

век, тосковавший по матери.

– За ужином познакомишься с Майлзом и Мирандой. Ей пятнадцать, она всего на несколько месяцев моложе, так что вы составите друг другу компанию.

– А сколько лет вашему сыну?

– Майлзу двадцать, и он только что вернулся на каникулы после второго курса Лидского университета. Он молчун, так что не волнуйся, если потребуется время, чтобы познакомиться с ним получше. Вы легко поладите.

Роуз не верилось, что она ведет этот разговор.

– Что ж, если ты допил чай, я провожу тебя наверх, в комнату.

Бретт прошел за Роуз два пролета скрипучей лестницы и коридор с покрытыми линолеумом половицами.

– Ну вот и пришли. Здесь все очень просто, без изысков, но этот вид из окна – самый лучший в доме. Распаковывай вещи. Я тебя оставлю. Если что понадобится, Дорин обычно в кухне. Увидимся в восемь, за ужином.

Роуз улыбнулась и закрыла дверь.

Бретт оглядел комнату, в которой ему предстояло жить следующие пару месяцев: двуспальная кровать со старым лоскутным одеялом, наброшенным сверху. На полу изношенный линолеум, а на потолке трещины. Бретт выглянул из окна. Изморось сменилась дождем, дальние холмы заволокло серыми тучами. Он содрогнулся. В комнате было холодно и пахло сыростью. Он услышал слабое дребезжание и заме-

тил у двери лужицу. Потолок над ней сильно провисал.

К горлу подкатил комок. Бретт чувствовал себя брошенным, несчастным – один на всем белом свете. Как отцу пришло в голову отправить его сюда, в ужасное захолустье?

Он бросился ничком на кровать и впервые с тех пор, как умерла мать, заплакал.

Слезы лились долго. Продрогнув, Бретт прямо в одежде залез под одеяло и, совершенно измученный, заснул.

Таким и нашла его три часа спустя Роуз. Осторожно попытавшись его разбудить и не добившись ответа, она на цыпочках вышла из комнаты и закрыла дверь.

Глава 4

Бретт открыл глаза и моргнул – через окно в комнату струились золотистые солнечные лучи. Первые пару секунд он не мог понять, где находится. А когда вспомнил, то сел и посмотрел в окно на изумрудные холмы. Невероятно, но солнце превратило пустынный пейзаж в безмятежную картину.

Бретт повернулся и потянулся. И увидел ее.

Девочка стояла в дверях, держа обеими руками поднос. Высокая, худая, как щепка, с восхитительными темно-каштановыми волосами до талии, карими глазами в обрамлении длинных черных ресниц на точеном сердцевидном личике, алыми губами без признаков косметики и небольшим курносым носом.

В ее локонах танцевали солнечные зайчики, она была само совершенство, и Бретту показалось, что ему явилась Мадонна. Потом он сообразил, что мадонны не носят подносы с завтраком и не ходят в джинсах и футболках, так что девушка должна быть настоящей. Просто он никогда не видел никого красивее.

– Привет, – застенчиво сказала она. – Мама подумала, что ты, наверное, голоден.

Девушка говорила с мягким йоркширским акцентом.

«Это Миранда, – решил он. – Ух ты, два месяца в такой компании». Может, каникулы окажутся не такими ужасны-

ми, как он вообразил.

– Очень мило с ее стороны. Я и в самом деле умираю от голода. Я, кажется, пропустил вчерашний ужин.

– Пропустил, – улыбнулась она, показав безупречные перламутрово-белые зубы. – Я поставлю поднос на банкетку у изножья кровати. Под крышкой бекон и яйца, тосты и чай.

Она грациозно подошла к нему и поставила поднос.

– Спасибо, Миранда. Меня, между прочим, зовут Бретт.

Милое личико сморщилось, девушка нахмурилась и покачала головой.

– Нет-нет, я не...

– Меня кто-то звал?

В дверь ворвалась яркая блондинка в обтягивающих брюках для верховой езды и откровенной футболке с глубоким вырезом на груди. Девушка была бы очень хорошенькой, не порти ее лицо избыток макияжа. Она подскочила к Бретту и села на край постели – поднос съехал на пол, зазвенела, разбиваясь, посуда.

– Ах ты черт! Кто поставил сюда поднос? Лия, убери, пожалуйста. – Она улыбнулась Бретту, а другая девушка встала на колени на пол. – Миранда Деланси, твоя кузина. Точнее, сводная кузина, потому что старушка Роза меня удочерила, когда я была совсем маленькой.

У Бретта сжалось сердце. Он смотрел, как девушка по имени Лия выбирает осколки из яичницы на полу.

– Рад познакомиться, – сказал он Миранде и спрыгнул с

кровати. – Давайте помогу.

И опустился на колени рядом с Лией.

– Оставь, ей за это платят, – заявила Миранда, подняв на кровать ноги.

Вручив Лие последний осколок фарфора, поднятый с пола, Бретт заметил, как в карих глазах вспыхнул гнев.

– Вот и все, – выпрямляясь, подытожил он.

– Пойду за веником и тряпкой, чтобы убрать остальное.

Будете завтракать здесь?

Бретт заглянул в ясные глаза Лии – завтрак его уже не волновал.

– Нет, поем внизу.

Лия кивнула, подобрала поднос и вышла из комнаты.

– Кто это? – спросил он у Миранды.

– Лия Томпсон, дочь нашей экономки. Во время каникул помогает матери, – пренебрежительно отмахнулась Миранда. – Поговорим о более важном. Чем мы с тобой сегодня займемся? Роза назначила меня главой комитета по развлечениям Бретта Купера, и я намерена проследить, чтобы ты не оставался в одиночестве ни минуты.

Бретт даже растерялся от решительности в ее глазах. Он не привык общаться с ровесницами – учился в школе для мальчиков, а каникулы проводил в основном со взрослыми. Миранда смерила его взглядом, и Бретт почувствовал, что краснеет.

– Ну? Чем ты хочешь сегодня заняться?

– Я... ну... я..

– Верхом ездешь?

Бретт сглотнул.

– Да.

– Вот и договорились. Когда будешь готов, пойдем к старине Моррису и возьмем пару лошадок покататься рысцой по пустошам. Глядишь, и познакомимся поближе.

Миранда провела рукой по волосам и уставилась на него.

– Замечательно. Э-э, не подскажешь ли мне, где у вас ванная? Мне бы помыться и переодеться.

– По коридору вторая дверь слева. Что с тобой случилось вчера вечером? Я специально нарядилась к ужину...

– Я... ну... устал с дороги.

– Надеюсь, обычно ты не спишь в одежде. – Миранда спрыгнула с кровати. – Я подожду тебя внизу. Не задерживайся, пожалуйста.

Она исчезла из комнаты.

Бретт собрался с силами и побрел по коридору. Вскоре он нашел нужную комнату и открыл краны, чтобы наполнить ванну. Вода в трубе кряхтела, шипела и, когда наконец появилась, была необычно желтой.

Он снял мятую одежду и залез в ванну, изо всех сил стараясь не обращать внимания на коричневый песок на дне старинной железной посуды. Бретт закрыл глаза, и перед ним возникло видение – Лия, стоящая в дверях его спальни. И одновременно с этим он ощутил огромное разочарование от-

того, что каникулы проведет не с ней.

Через двадцать минут он сидел в уютной кухне и ел огромную яичницу с беконом. Миранда энергично болтала о планах на предстоящие два месяца, а Лия помогала матери вытирать посуду.

– Ну что же, нам пора, – пригласила Миранда. – До фермы идти полмили. Если хочешь, поедем на велосипедах.

– Нет, я бы лучше прогулялся.

Миранда повела его из кухни, и Бретт остановился и оглянулся:

– Пока, Лия. До встречи.

– Пока, Бретт.

– Как ты считаешь, мне надо поздороваться с тетей... с Роуз перед тем, как уйдем? – спросил Бретт Миранду, которая быстрым шагом спускалась с холма.

– О боже, нет. Она заперлась в студии и беспокоить ее запрещено под страхом смертной казни. Она выходит только поесть.

– Что за студия?

– А разве ты не знаешь? Розы раньше была знаменитой художницей, давно, еще в темное средневековье. Она не рисовала целую вечность, но пару лет назад выкинула хлам из комнаты внизу и превратила ее в студию. В следующем году у нее запланирована выставка в Лондоне. Ее большое возвращение, как-то так. Лично мне кажется, что она зря теряет время. Ну кто вспомнит о ней? Прошло двадцать лет, –

фыркнула Миранда.

Бретт спускался с холма, и все быстро становилось на свои места.

Тот запах масляной краски, когда Роуз его обняла, картины на стенах гостиной и ее лицо... ну конечно!

– Ее фамилия – Деланси?

Миранда кивнула.

– Да, а что?

– Миранда, могу сообщить тебе, что двадцать лет назад твоя мать была знаменитостью в мире искусства. Вероятно, самой известной художницей в Европе, а потом вдруг исчезла со сцены.

Миранда поморщилась.

– Лично я ее картины не выношу. Они такие необычные. А ты, я так понимаю, о ней слышан. Интересуешься искусством?

– Ну, вообще-то, да.

Бретт разволновался, но в то же время озадачился. Почему это, черт возьми, отец никогда не упоминал, что Роуз Деланси – его сестра? Этим можно было ужасно гордиться, так?

– Розы наверняка выкроит пару секунд, чтобы обсудить с тобой свою любимую тему. Что ж, посмотрим, какой из тебя наездник. Мерин – блестящий скакун, но непредсказуемый, а кобыла... ну, если ты боишься трудностей, выбирай ее.

Они дошли до конюшен, и Миранда повела его вдоль денников.

– Спасибо, Миранда, я возьму кобылу.

Лошадей оседлали, и еду для пикника, которую для них приготовила миссис Томпсон, положили в седельный выюк мерина. Миранда и Бретт неспешной рысью отправились к пустошам.

– Даже не верится, что это то же самое место, куда я приехал вчера вечером. Тогда все было черным и мрачным. И меня это угнетало.

– Здесь так всегда. Погода меняется мгновенно. Удивительно, что при свете солнца пустоши преобразаются, – согласилась Миранда.

– Кто же владеет всей этой землей? – поинтересовался Бретт.

– В основном фермеры. Они пасут здесь овец.

– Кажется, что пустоши простираются на много миль.

Бретт окинул взглядом долину. Они выехали на пастбище и стали подниматься по холму.

– Так и есть. По ту сторону водохранилища – Блэкмор. Он тянется до самой границы Хаурорта, в трех милях отсюда. Зимой здесь довольно одиноко. Нас сотни раз заносило снегом.

Бретт внезапно обрел уверенность в себе. Он был рад, что приехал. Ему не терпелось поскорее вернуться и поговорить с тетей.

– Ох, – сказала Миранда, вытирая лоб. – Ну и жара. Доберемся до перевала, нужно передохнуть и чего-нибудь попить.

– Хорошо.

Через пятнадцать минут Бретт и Миранда привязали лошадей и, лежа в траве на холме, начали пить кока-колу.

– Смотри-ка! – Миранда резко вскочила. – Там внизу, на коне – Майлз.

Бретт сел и посмотрел на долину, куда показала Миранда. Вдали он увидел маленькую фигурку, рысью скачущую по пустоши на черном коне.

– Когда он возвращается из университета, то почти все время ездит верхом по пустошам, – тихо, с оттенком задумчивости, сообщила Миранда.

– Что он изучает?

– Историю. Когда его нет, я по нему скучаю. – Миранда выдернула пучок травы. – Раньше мы проводили вместе много времени. Майлз не такой, как все... очень молчаливый... – Она замолчала, потом повернулась к Бретту и – куда только делась ее серьезность? – широко улыбнулась. – А я люблю людей, полных жизни, много шума и веселья. Как только закончу школу, уеду в Лондон. Здесь так скучно – никогда ничего не происходит!

– По-моему, здесь очень красиво, – пробормотал Бретт.

– Да, но тебе не приходилось тут жить. Ну в смысле, ты все время ходишь на модные вечеринки и в известные рестораны.

Бретт вспомнил те случаи, когда его выставляли напоказ на приемах Дэвида Купера как элитного пуделя, отчаянно

стремящегося домой, чтобы скинуть тесный парадный костюм, в котором он нравился отцу.

– На самом деле, Миранда, все это не так приятно, как кажется.

– Ну, я бы хотела сама попробовать. Хочу однажды стать очень богатой, накуплю всего, что пожелаю. Целую комнату дизайнерской одежды и туфельки ей в тон. А еще огромный дом, «Роллс-Ройс» и...

Бретт лег на траву и задумался, почему же все считают, что деньги приносят счастье. Он знал, что это не так.

Позже они проехали верхом по пустошам к конюшням и вернулись домой.

Миссис Томпсон готовила на кухне ужин.

– Хорошо покатались?

Она улыбнулась.

– Спасибо, великолепно, – ответил Бретт.

– Миссис Деланси распорядилась опять накрыть в столовой, вчерашний ужин вы пропустили. К восьми все будет готово. Как насчет чашки чая?

В восемь вечера Бретт спустился в столовую. Там было пусто. Он сел в старое кожаное кресло у большого венецианского окна.

Вошла Лия с подносом, на котором стояли тарелки с супом, и поставила его на поцарапанный дубовый стол.

– Погоди, Лия, давай помогу.

Бретт встал.

– Нет, я сама прекрасно управлюсь. Сейчас придет миссис Деланси.

Лия заметно нервничала.

– Лия, ты живешь здесь?

– Нет-нет, я живу в деревне с мамой и папой.

– Понятно. Миранда сегодня говорила, что до Хаурта отсюда недалеко. Хочется взглянуть на дом священника, где жили сестры Бронте.

У Лии загорелись глаза.

– Да, поместье нужно обязательно посетить. Я там была сто раз. Прочла все их книги. По-моему, они замечательные.

– Я тоже. Какой роман у тебя любимый?

– «Грозовой перевал», – не задумываясь, ответила Лия. – Очень романтичный.

Она мило покраснела и направилась к выходу. Бретт коснулся ее руки.

– Ну, раз уж ты большой специалист, может, отведешь туда и меня? И покажешь, что и как.

Она взглянула на него, помолчала и улыбнулась.

– Ну ладно, если тебе так хочется, Бретт.

– Еще как хочется.

В дверях появилась Роуз, и Лия поспешно вышла. Роуз села во главе стола.

– Как ты, Бретт? Хорошо выспался?

Ее глаза блеснули.

– Да. Прошу прощения за вчерашний вечер. Не знаю, что

меня так свалило.

– Вероятно, йоркширский воздух. Миранда говорит, вы сегодня ездили верхом? Тебе это, похоже, идет на пользу. Приехал ты такой бледный. Привыкаешь потихоньку?

– Да, все хорошо.

– Я должна извиниться за протечку крыши в твоей комнате. Завтра придет мастер, посмотрит, в чем дело. Боюсь, надо менять кровлю.

– Ничего, – вежливо заметил Бретт. – Роуз, Миранда рассказала, что вы вернулись к живописи. Я знаком с вашими работами пятидесятых годов, хотел напроситься и как-нибудь посмотреть ваши новые картины.

Роуз засияла.

– Конечно. Значит, интересуешься искусством?

– Чрезвычайно. Я-то полагал, что ваша фамилия Купер, как у отца, не Деланси.

– Я довольно долго не рисовала. Мне лестно, что ты знаком с моими работами. Если хочешь, приходи в студию после ужина, покажу тебе, что приготовила к выставке.

– Отлично, конечно хочу. Но признаюсь, что не понимаю, почему папа не рассказывал о вас раньше, особенно зная, как я интересуюсь искусством.

Роуз хотела было ответить, но в этот момент в столовую ворвалась Миранда в красной мини-юбке в обтяжку и топе из сетчатой ткани.

– Всем привет.

Она уселась за стол и похлопала по соседнему стулу.

– Бретт, садись рядом со мной.

Бретт неохотно сел, а Роуз аж покачала головой:

– Право, Миранда...

Ее перебил низкий голос:

– Прошу прощения, опоздал. Надеюсь, ужин задерживают не из-за меня.

Бретт уставился на вошедшего и сразу вспомнил разговор с Лией. Высокий рост, черные волосы и темные глаза мгновенно напомнили о Хитклиффе из романа Эмили Бронте. Парень поцеловал мать и сел рядом с ней, потом перевел взгляд на Миранду. Они переглянулись.

Бретт признал, что Майлз очень красив. Когда тот перевел на него взгляд, Бретт мгновенно почувствовал в молодом человеке что-то дикое. Мужчины пристально рассматривали друг друга, потом Майлз расплылся в широкой дружеской улыбке и протянул руку через стол.

– Майлз Деланси, рад познакомиться с тобой, Бретт.

Бретт ощутил силу мускулистого тела, когда Майлз сжал его руку, а затем отпустил.

– И я тоже.

Лия вошла в комнату с супницей и начала обслуживать Роуз. Бретт наблюдал за ней и заметил, что он не одинок в этом. Пока она двигалась вокруг стола, за ней неотрывно следил Майлз. Он ни на секунду не отвел взгляд, и Бретт заметил легкую нервозность, когда Лия подошла к Майлзу. Она

наливала суп в тарелку, а он продолжал на нее смотреть.

– Как поживаешь, Лия? Кажется, ты еще выросла с тех пор, как мы виделись.

Майлз сверлил Лию взглядом, и Бретт увидел, как она почти незаметно содрогнулась.

– Спасибо, хорошо, Майлз.

Лия с пустой супницей быстро пошла к выходу, и Майлз отвернулся.

– Приступайте, пожалуйста, – распорядилась Роуз, поднимая ложку.

– Так, я надеюсь, все знают, какое большое событие грядет двадцать третьего июля? – спросила Миранда. – Мне исполнится шестнадцать. Мы все понимаем, какая это важная дата. Роуз, милая, можно мне организовать малюсенькую вечеринку по такому поводу? Отпраздновать.

Роуз заколебалась.

– Миранда, у меня столько работы! И как раз не хватает только полного дома подростков.

Глаза Миранды гневно заблестели.

– Майлза, когда ему исполнилось шестнадцать, ты даже спрашивала, не хочет ли он устроить вечеринку.

Роуз поняла, что ее загнали в угол.

– Хорошо, Миранда, можешь пригласить несколько друзей в субботу вечером.

– Спасибо, спасибо, Роуз. А ты не хочешь сходить в кино или еще куда в тот вечер?

Ответ был ясен по одному взгляду Роуз, и Миранда поняла, что на этом лучше остановиться и не давить.

Она сменила курс.

– Можно попросить миссис Томпсон и Лию что-нибудь приготовить и подать?

– А тебе не кажется, что Лия должна быть гостьей? В конце концов, вы с ней учитесь в одном классе, – тихонько сказал Майлз.

Миранда взглянула на Майлза – он ей улыбался. И сразу кивнула.

– Ну конечно. А теперь мне придется купить новое платье и сделать стрижку как у Фэрры Фосетт...

Миранда счастливо щебетала весь ужин. Майлз больше не сказал ни слова и после десерта встал из-за стола.

– Прошу прощения, меня ждет работа. Спокойной ночи. Он вышел.

– Майлз, наверное, занимается? – вежливо спросил Бретт.

– Нет, Бретт, – ответила Роуз. – Майлз увлекается фотографией. Он проводит большую часть времени на пустошах, фотографирует, а дома приспособил одну из небольших комнат внизу для проявления снимков. Наверное, направился туда. Некоторые фотографии очень красивые.

– Хотелось бы посмотреть.

– Тогда попроси Майлза их показать. Ну что, идем со мной в студию?

– Ой, конечно!

И тут же вмешалась Миранда:

– Бретт, я хотела проводить тебя наверх, чтобы послушать альбом «Аббы», который купила в субботу.

– Послушаете в другой раз.

Роуз встала из-за стола и направилась к выходу. Бретт пошел за ней, ослепив сердитую Миранду фальшивой улыбкой.

Он прошел с Роуз по коридору к ее студии. В комнате было темно, и Роуз включила свет. Бретт вдохнул знакомый, родной запах краски и уайт-спирита¹. Небольшая студия была загромождена холстами, стоящими у стен. На рабочем столе Роуз разбросала обычные для художников кисти, палитры и тюбики с краской.

Бретт подошел к большому мольберту и принялся изучать холст. На нем был только набросок, сделанный жирными черными штрихами. Бретт не различал особых контуров.

– Не трать зря время, там пока не на что смотреть. Я начала ее только сегодня. Лучше взгляни на готовую работу.

Роуз достала холст, прислоненный к стене.

Бретт сразу понял, что картину везде узнают как творчество Роуз Деланси.

Реализм по-прежнему преобладал, но краски стали мягче, приглушеннее, чем на резких, иногда пугающих полотнах, которые Роуз прославили.

– Что скажешь? – озабоченно спросила она.

¹ Разбавитель. Применяется для разведения красок и паст, смывания красок с полотен и очищения палитры. – *Здесь и далее: примеч. ред.*

Как странно, что великая Роуз Деланси спрашивает его мнение о картине. Реализм – не его стиль. Его работы подражали английским импрессионистам, но в картинах Роуз его всегда восхищала недюжинная сила и своеобразие. Он ясно видел, что и в новых работах присутствовали те же знакомые черты, но и что-то еще.

– По-моему, она восхитительна, Роуз. Она отличается от ваших прежних работ, но в ней такая утонченность, что она заставляет тебя приглядеться внимательнее.

Роуз облегченно вздохнула.

– Благодарю, дорогой Бретт. Знаешь, я ведь ее еще никому не показывала. Может, и глупость, но я испугалась, что растеряла свой талант.

– Что вы, конечно же нет. Не могу судить, насколько ценно мое мнение, в искусстве я ведь всего лишь новичок, но, на мой взгляд, вам не стоит бояться. Нужно показать картину тому, чье мнение важно на самом деле. Можно взглянуть на остальные?

Целый час Роуз и Бретт сосредоточенно разглядывали восемь завершенных работ. Она подробно описывала каждую, и они вместе анализировали краски, форму и стиль.

Роуз объяснила, что она чувствует, отойдя от реализма, который ее прославил.

– Наверное, это странно, – размышляла она. – В юности я рисовала в настоящем репрезентативном стиле. Слишком романтично выбирала тему. Повзрослев, я видела толь-

ко жесткие шрамы и недостатки во всем, что рисовала, и стремилась подчеркнуть их в своих работах. Критики часто отмечали, что картины получались почти мужскими. В Королевском колледже искусств меня окружали реалисты «кухонной мойки». И на меня сильно повлияло творчество Ауэрбаха², Кософа³ и Грэма Сазерленда⁴. Но с тех пор как я вернулась к живописи, все это куда-то ушло. Я хочу, чтобы люди видели красоту.

Глаза Роуз затуманились.

– Увидят, Роуз. Поверьте мне.

Она повернулась к Бретту и улыбнулась.

– Я, наверное, нагоняю на тебя тоску. Прости. Вот что – пойдём-ка на кухню пить кофе?

Бретт помог Роуз поставить готовые картины к стене.

– Почему вы перестали рисовать, Роуз?

Они сидели за кухонным столом и потягивали кофе.

Роуз помрачнела.

– Это долгая история, Бретт. Скажу просто: я будто истощилась, мне нечего было изобразить на холсте. Успех пришел ко мне слишком рано. Для художника это необычно. –

² Франк Гельмут Ауэрбах – британский художник. Представитель лондонского авангарда. В основном рисовал женские портреты, групповые портреты и пейзажи Кэмдена.

³ Леон Кософ – британский художник-экспрессионист. Часто изображал предметы в фантастических пропорциях.

⁴ Грэхем (Грэм) Вивиан Сазерленд – британский художник. Занимался экспрессионистской, абстрактной и сюрреалистической живописью и портретами.

Она вздохнула. – Просто проснулась однажды утром и поняла, что больше не хочу этим заниматься.

– А желание вернуться пришло только почти через двадцать лет?

– Да. Но не могу передать тебе, насколько больше удовольствия от живописи я получаю сейчас. Раньше я работала как машина, штампуя картины, поспевая к дедлайнам галерей и коллекционеров. Теперь же от меня никто ничего не ждет – есть только мое желание рисовать.

– Вряд ли у вас были сложности с организацией выставки в галерее, – улыбаясь, сказал Бретт.

– На самом деле, случилось потрясающее совпадение. В прошлом году я снова начала рисовать и только закончила первую картину, как мне позвонил старый знакомый, учившийся со мной в художественной школе. В следующем году он открывает галерею в Лондоне. Я поделилась с ним, что опять рисую, и он тут же предложил мне сделать выставку. Сначала я отказалась, потом, когда закончила вторую картину, подумала: а почему бы и нет? – Роуз опустила голову. – А тут еще стало туго с деньгами, Бретт, дорогой. Этот дом требует тысячных затрат, а мой кошелек пуст. Мне нужно заработать денег, а что я умею? Только рисовать.

– Я даже не сомневаюсь, интерес будет огромным.

– Благодарю за доверие, Бретт, только помни, у публики память короткая. Впрочем, довольно обо мне. Ты давно интересуешься искусством?

– Да. Это... это было мое хобби. – Бретт помолчал. – Я действительно считаю, что вы слишком молоды, чтобы уходить от дел.

Роуз рассмеялась.

Бретт думал, как бы попроще объяснить, почему он хочет забыть о своих амбициях, о портрете матери, о том, что не может провести кистью по холсту, потому что все безнадежно.

– Дело в том, Роуз, что отцу не нравится мое желание стать художником. Он уже распланировал мое будущее: Кембридж, потом работа в его компании, где я должен научиться вести дела, которые он мне передаст, когда уйдет в отставку. Мама знала, что я хочу поступить в художественную школу, и собиралась переговорить об этом с отцом, когда придет время. Но теперь...

Бретт пожал плечами, и его голова так печально поникла, что Роуз потянулась через стол и взяла его за руку.

– Бретт, каковы бы ни были препятствия – и поверь, ни одному выдающемуся художнику не избежать их в начале карьеры, – нужно продолжать рисовать. Может, это тебя успокоит. Как меня.

– Да, но какой в этом толк. Отец, он...

– С ним непросто. Я, как никто другой, знаю, каким он бывает. – Роуз помолчала и уставилась в чашку. – Однако не бросай свою мечту, Бретт. – Она хлопнула руками по бедрам. – Так. Не пора ли нам спать? Завтра придешь ко мне в

студию, я откопаю для тебя мольберт, краски и бумагу. Почему бы тебе не провести время на пустошах? Там такие великолепные виды. Я хочу понять, не появится ли у меня в будущем конкурент!

Роуз встала.

– Спокойной ночи, дорогой Бретт. Крепких снов.

Бретт долго сидел один в кухне, потом медленно поднялся наверх. Ему было нужно о многом спросить Роуз. Почему отец никогда не рассказывал о своей сестре? Но, вспомнив, как погрузнел ее взгляд, стоило ей заговорить о брате, он передумал спрашивать.

Бретт выключил свет.

Роуз права. Нужно продолжать рисовать. Хотя она и не рассказала ему, что тоже столкнулась с подобной проблемой в юности, он инстинктивно это чувствовал. Бретт вдруг задумался: может, то, что отец упорно игнорировал его художественные наклонности, как-то связано с Роуз?

Здесь крылась какая-то тайна, которую ему хотелось разгадать, а пока нужно рисовать.

И он точно знал, с кого начнет.

Глава 5

– Бретт, дорогой, сегодня тебе придется развлекаться самому. Я еду в Йорк, чтобы купить обалденный наряд на вечеринку. И сделать прическу. И вообще, мне надоело сидеть на овечьем навозе, пока ты рисуешь замшелый пейзаж.

Бретт облегченно вздохнул. Пока он пытался рисовать, Миранда тащила за ним и отвлекала до раздражения. Если не считать досады на Миранду, последние десять дней он чувствовал себя гораздо счастливее, чем все время после смерти матери. Он нарисовал четыре картины. Любимое занятие вкупе со свежим северным воздухом заживляли рану на сердце.

Миранда встала из-за стола.

– Вернусь к чаю. Пока.

Когда Миранда ушла, Бретт тайком оглянулся и посмотрел на Лию, вытиравшую посуду вместе с матерью.

Пока Миранда ходила за ним, как телохранитель, у него почти не было возможности поговорить с Лией. Он понимал, другого случая может и не быть.

– Я тут подумал, может, сегодня неплохо бы съездить в Хаурт в дом пастора. Беда в том, что я не знаю, как туда добраться.

– Это просто. На станции в деревне сядете на поезд. До Хаурта ехать всего минут десять, дорога красивая. Если

поторопитесь, успеете на десятичасовой поезд, – сообщила миссис Томпсон.

– Здорово. А нельзя ли попросить Лию в качестве гида? Она, похоже, большой специалист по сестрам Бронте, а мне бы не хотелось ничего упустить.

Миссис Томпсон нахмурилась.

– Ну не знаю, мистер Бретт. Нам нужно перестелить постели наверху и...

– Мама, пожалуйста, ты ведь знаешь, как я люблю Хауорт, – заговорила Лия, умоляюще смотря на мать.

Миссис Томпсон подумала о том, как усердно работала дочь последние пару недель. Девочка была трудолюбивой и заслуживала награды.

– Хорошо, дочка. Но к четырем возвращайся, чтобы приготовить отцу чай. У тебя найдутся деньги на билет?

– Не беспокойтесь, миссис Томпсон. Плачу я, ведь это я попросил Лию поехать со мной.

– Есть, мама. Спасибо.

У Лии заблестели глаза.

– Тогда поторопитесь, если хотите попасть на десятичасовой поезд.

Через несколько минут они уже спешили вниз по холму к деревне. Теперь, оставшись с Лией наедине, Бретт окончательно потерял дар речи.

Едва они успели купить билеты в необычной билетной кассе, подъехал поезд. Бретт открыл дверь вагона: тот был

полон немецких туристов, но они все же сумели отыскать пару свободных мест.

Он не сводил глаз с прекрасной девушки, сидевшей рядом с ним. Лия смотрела в окно, и он восхищался ее безупречным профилем. Остаток путешествия прошел в полном молчании, и Бретт вдруг понял, что Лия стесняется так же, как и он.

Добравшись до Хаурта, они последовали за толпами туристов и вышли на дорогу, ведущую к центру деревни.

– Сюда, – показала Лия, и Бретт пошел за изящной спутницей, поднимающейся по крутой мощеной Хай-стрит.

По многочисленным сувенирным магазинам сновали туристы.

– Придется постоять в очереди. Посетителей впускают небольшими группами, – пояснила Лия.

Бретт кивнул, понимая, что похож на идиота, который не знает, что сказать. Лия повела его по ступенькам на вершину Хай-стрит и по узкой тропе, к которой слева примыкало кладбище.

– Вот и пришли. Смотри, как тут красиво.

Дом приходского священника гордо и величественно купался в ярких золотистых лучах солнца. Трудно было представить, что в нем произошло немало трагедий.

Очередь оказалась не такой ужасной, как ожидала Лия, и спустя минут десять они стояли в гостиной, глядя на кушетку, где испустила последний вздох Эмили Бронте.

Лия сразу оживилась, вода Бретта из комнаты в комнату и болтая без умолку. Бретт тоже расслабился, задавал Лие вопросы и получал интересные содержательные ответы.

– Трудно поверить, что Шарлотта Бронте была такой миниатюрной. В то платье влезет только кукла! По сравнению с ней чувствуешь себя каким-то жирафом.

Они стояли перед стеклянной витриной, на которой лежали вещи, которые, как сообщалось, принадлежали знаменитой Шарлотте.

– Уверяю тебя, Лия, на жирафа ты не похожа, – с улыбкой ответил Бретт, а Лия густо покраснела.

Через час они зашли в магазин сувениров, где Бретт купил несколько открыток, чтобы послать одноклассникам.

– Теперь мне хотелось бы угостить своего экскурсовода и источник знаний обедом. Куда бы нам пойти? Ты знаешь хороший ресторанчик?

Лия смутилась. Когда она сюда приезжала, то обычно брала с собой сэндвичи и никогда в жизни не обедала в ресторане.

– М-м, пожалуй, нет.

– Ничего страшного. Давай пройдемся по Хай-стрит, посмотрим, что найдется.

Нашлось кафе «Посошок», где подавали традиционную йоркширскую кухню. Они выбрали столик в дальнем конце переполненного зала и заказали обед. Лия была ужасно счастлива.

– Чем занимается твой отец? – спросил Бретт.

– Ничем. У него артрит, и он совсем не может ходить.

– Прости, Лия, – смутился Бретт.

Лия отмахнулась.

– Все в порядке. Он самый оптимистичный человек из всех, кого я знаю.

Официантка принесла две кока-колы, и Лия с Бреттом сделали по глотку.

– Ты всегда работаешь у Роуз на каникулах?

– Нет. Это только из-за выставки и твоего приезда.

– Боже, прости, что испортил тебе каникулы.

– Я не это хотела сказать. Я имела в виду, что нам нужны деньги и...

Лия замолчала. Она слышала, как Миранда рассказывала о том, какой богатый у Бретта отец. Ему все равно не понять.

– Тебе здесь нравится? – спросила она.

– Очень. Особенно сегодня. Спасибо за то, что со мной поехала. Я пытался с тобой поговорить, но Миранда...

Бретт замолчал.

– Она очень хорошенькая, да?

Бретт взглянул на совершенно естественную красавицу, сидящую напротив, и улыбнулся.

– Да, если тебе такое нравится. – Он удержался от дальнейших комментариев. – На мой взгляд ты намного симпатичнее.

Лия опустила глаза и снова покраснела. Принесли пас-

туши пироги – картофельную запеканку с мясом, которая спасла Лию от ответа.

– Господи, вкусно-то как! – Бретт с большим аппетитом набросился на еду. – Готовить здесь умеют. Когда отец сказал, что отправит меня на лето сюда, я не хотел, а теперь очень рад, что приехал. Здесь так здорово.

Лия чувствовала себя маленькой и наивной рядом с этим мальчишкой, который был так красноречив на своем четком английском. Трудно поверить, что он старше ее всего на несколько месяцев.

– Есть ли тут куда пойти после обеда? Я бы прогулялся.

– Можно пойти на пустоши за домом священника. Или к руинам Топ Уитенс, фермы, о которой Эмили писала в «Грозовом перевале». Но туда нам не дойти – слишком далеко.

– Ну давай просто пойдем, а там видно будет, – пожал плечами Бретт, отчаянно желая, чтобы день не заканчивался и они все так же были вместе и наедине.

Они направились к дому священника через Хауортскую пустошь, вновь погрузившись в молчание и шагая бок о бок.

Немного погодя, Бретт бросился на траву.

– Наверное, старею, – сострил он. – Выдохся.

Лия села на приличном расстоянии от него. Бретт загородил рукой глаза от ослепительного солнца и пристально посмотрел на внушительный дом, который они покинули.

– Дом священника сегодня очень красив, но могу представить, каким холодным он был зимой. Так и представляешь,

как Хитклифф стучит в окно.

Лия кивнула. Бретт смотрел на девушку, которая устремила взор на пустоши, изящно обхватив руками колени.

– Ты похожа на Кэти. Если забыть о футболке и джинсах.

Он засмеялся. Она улыбнулась, и ему так захотелось ее обнять и поцеловать. Но он никак не мог набраться смелости.

Лия размышляла, как было бы романтично, если бы он взял ее за руку. Раньше она не интересовалась мальчиками, но Бретт... Нет, она бедная деревенская девчонка из Йоркшира. Наверняка хитромудрая Миранда подойдет ему больше.

Так они и сидели. Бретту хотелось придвинуться поближе к ней. Наконец он оказался рядом с Лией и сел, обрывая травинки.

– Мне... мне так нравится сегодняшний день, Лия. Надеюсь, мы еще так погуляем. Вообще, я хочу тебя кое о чем попросить.

– О чем?

– Ты можешь отказаться, но я бы хотел нарисовать твой портрет.

– Мой портрет?

Лия откровенно удивилась.

– Да. На мой взгляд ты... очень красивая.

Никто до сих пор не говорил Лие такого. Кроме Меган, колдуньи, давным-давно...

Лия изо всех сил сдерживала дрожь.

– Ты разрешишь? Ну пожалуйста.

– Если ты на самом деле этого хочешь. У меня мало времени, имей в виду. Может, нарисуешь вместо меня Миранду?

– Нет, – твердо ответил Бретт.

«Сейчас или никогда», – решил он.

Бретт потянулся к Лие и взял ее за руку.

– Только тебя.

Она позволила Бретту взять себя за ладонь и подумала, что сейчас умрет от удовольствия.

Воодушевившись, Бретт подвинулся еще ближе и положил другую руку Лие на плечо.

– Я бы предпочел, чтобы Миранда ничего не знала, а то она тоже придет. Я бы хотел, чтобы мы были одни, когда я рисую. Только ты и я. Почему бы нам не выбрать место на пустоши недалеко от дома? Можно встречаться там каждый день, примерно на час. Когда тебе удобно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.